

32. *Созина Е. К.* Репрезентация Восточной России на страницах казанского журнала «Заволжский муравей» (1832–1834) // Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему»: коллектив. моногр. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. С. 242–278.

33. *Фирсов Н. А.* Материалы для истории Пермской гимназии, собранные и обработанные Н. А. Фирсовым. Пермь : Тип. губ. зем. управы, 1894. 896 с.

34. *Шарц А. К.* Поэт-лирик // Календарь-справочник Пермской области на 1966 год. Пермь : Перм. кн. изд-во, 1965. С. 140–141.

35. *Шмаков А. А., Шмакова Т. А.* Урал литературный : крат. биобиблиогр. слов. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1988. 366 с.

И. В. Козлов (Екатеринбург)

Литературный отдел газеты «Уральская жизнь» в 1917–1919 гг.: временная и пространственная трансформации повседневности*

Газета «Уральская жизнь» дольше других дореволюционных газет издавалась после февральских событий 1917 г., ее выпуск продолжался и после прихода к власти в Екатеринбурге большевиков, и после захвата города белочехами. Газета, основанная в 1899 г., просуществовала до 1919 г. (25 июня был выпущен последний номер). Редактором и издателем ее был Петр Иванович Певин.

В тот период, который нам интересен, произошли существенные изменения. В своих воспоминаниях К. Никитин пишет: «П. И. Певин умер в начале 1918 г. в Харькове. Помимо газеты он любил искусство, театр и в течение ряда лет был казначеем в Русском театральном обществе. По делам этого общества он поехал на несколько дней в Харьков к А. Я. Альтшуллеру, оперному режиссеру, и скоропостижно скончался на улице» [6, с. 156]. В том же журнале, где появились воспоминания Никитина, позже были опубликованы добавления и существенные

---

* Статья подготовлена в русле проекта РГНФ «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX – первой трети XX века», № 16-14-00118.

поправки, так что можно было бы поставить под сомнение и эту информацию. Но она никем не была опровергнута. Так или иначе, но фамилия Певина как издателя значилась под всеми номерами газеты вплоть до ее закрытия в 1919 г. При этом фамилия редактора периодически менялась: во время правления белочехов редактором был Ф. М. Быстров, в последних номерах 1918 г. обязанности редактора выполнял В. П. Чекин (недолго до этого бывший активным сотрудником газеты «Зауральский край», в которой он активно критиковал «Уральскую жизнь»), а затем вновь Быстров. Последние номера производят впечатление выпущенных в большой спешке, в сложных условиях острой нехватки хорошей бумаги, отсутствия типографий и корреспондентов. Некоторые номера почти полностью состоят из корреспонденций, фельетонов, рассказов и стихотворений В. Чекина под различными псевдонимами. Но все же эта газета, несмотря на смену редакторов и смерть издателя, выходила в свет — в отличие от большинства остальных: например, «Зауральского края», — и ей удалось зафиксировать не только хронику событий этого времени, но и вторжение большой истории в повседневную жизнь обывателя «столицы сонного Урала». Как ни странно, лучше всего это отражает столь «непочтенный» жанр как *фельетон*. Дело в том, что именно фельетон фиксировал повседневность во всей ее бытовой неприглядности и циклической повторяемости. Каждый год в циклах фельетонов *Мистера Бумса* (П. Я. Блиновского), *Садко* (Н. Станиславова), *Энбе* (Н. Борисовского) появлялись стихотворные рассуждения о дороговизне дров (как правило, осенью), о всепроникающей и надоедливой пыли на улицах города (летом), о непролазной грязи (весной). На масленицу в газетах размещали несколько фельетонов, посвященных обывателям, обедающим блинами. Традиционно повторялись пасхальный и рождественский номера, большие по размеру, празднично заполненные художественными произведениями (в отличие от будничных, заполненных телеграммами и рекламой), варьирующими одни и те же темы. Образ сонного провинциального городка, далекого от всех границ, городка, в котором не может произойти ничего из ряда вон выходящего, например, вооруженного захвата неприятелем, этими фельетонами культивировался. Садко писал в одном из фельетонов, как будто в открытке, посланной с железной дороги в столицу предполагаемому другу-читателю, который знает, «Что где-то там в горах застряла / Столица сонного Урала, / И больше — кайся — про него / Ты знаешь очень, очень мало, / Верней, не знаешь ничего» [14, с. 3]. Связью с внешним миром была все та же газета и гастроли различных театров (в 1915 г., например, в Екатеринбурге гастролировал театр Корша).

Таким же повторяющимся повседневным «жанром» было *новогоднее пожелание*, приобретающее для потомков в некоторых случаях пророческое звучание. На рубеже 1916–1917 гг. это пожелание написал С. Виноградов: «В скорбной жатве, ожидающей нас в пришедшем году, есть, значит, и маленькая радость, дающая силы на тяжелый, неблагодарный труд и более светлый взгляд на грядущее.

А это грядущее, столь непохожее на переживаемое нами, все-таки придет и без остатка сожжет старую жизнь, несмотря на ее теперешнее торжество. <...>

Простим же новому, только что пришедшему году то злое, что он даст нам, и будем благодарны за те побегі благородного и чистого, обещающего обновление миру, какие удастся ему вырастить за свое короткое время.

Он несет не только старое горе, но и крупицу, – хотя и не для нас, – и нового счастья» [1, с. 3]. В этом клишированном тексте, отнюдь не пророческом, скорее всего предполагающем совершенно другие события (ожидаемая в новом году «скорбная жатва», по-видимому, относится к мировой войне, а не к революции), тем не менее, на первый план выходит категория времени. Течение времени очень скоро стало ощутимым в череде событий. Теперь это были не повторяющиеся повседневные действия, но события, трансформирующие или отменяющие то, что было привычным, понятным, как будто вечным и неотменимым. Информация об этих событиях (отречение царя, октябрьский переворот, выступление чехословацкого корпуса и т. д.) публиковалась в газете на первых страницах, а в художественных произведениях и фельетонах, сопровождавших эти сообщения, делались попытки разглядеть влияние этих исторических событий на повседневное существование обывателя. Авторы этих текстов, по-видимому, надеялись на то, что они не просто фиксируют это влияние, но анализируют его, однако у них не всегда была такая возможность из-за необходимости оперативно реагировать на происходящее (одна из особенностей «газетной литературы»).

Время, меняющее все вокруг, отчетливее всего фиксируется в сопоставлении: «тогда – теперь». В одном из своих фельетонов В. Чекин вспоминает о мартовских событиях, сопоставляя их с ноябрьским положением дел 1917 г.:

В прошлом марте сын со мной
Шел на праздник в честь Народа.
Вместе с шумною толпой,
Крик – «Да здравствует Свобода!»
Плыл могучею волной.

Сын спросил: – «Ведь я теперь
Гражданин? Не правда ль, папа?»
– Да! Тюрьмы открылась дверь,
Ослабела власти лапа [9, с. 3].

Казалось бы, уже в начале это соотношение прошлого (точнее – невозвратно прошедшего) и настоящего предполагает разговор о власти, внезапно переставшей определять жизнь человека (об обывателе здесь еще не идет речь, наоборот, это человек, становящийся на глазах читателя фельетона «гражданином»). В то же время финал произведения – как, между прочим, предполагает и его название – обращен в будущее, в неопределенность:

Десять месяцев прошло...
С сыном часто я гуляю,
А порою (как назло!)
И процессии встречаю –
...
Вновь спросил недавно сын
Неуверенно довольный:
– «Папа – всё я гражданин
Или нет?» Мне стало больно,
Но ребенку как солгать?
Я сперва не отвечаю,
Чтоб потом пробормотать
Отвернувшись: – «Я не знаю»...

В редких выступлениях В. Пермского (вероятно, псевдоним) образ будущего явлен совершенно иначе: это идеализированный образ неотвратно наступающего социализма¹. Чекин осторожнее: проблематичность грядущего здесь драматически подчеркнута диалогом не только двух времен, но и поколений. Реальность ожидаемых перемен ставится под сомнение: встречаются процессии, написаны те же самые лозунги, но – «полиняла ткань знамен», и помимо этого что бы то ни было перестало меняться. То же опасение можно вычитать из двух фельетонов, посвященных одной из основных газетных тем того времени – возможному заключению мира с Германией. Чекин и здесь выступает в ряду первых: в фельетоне он пишет о необходимости этого мира

---

¹ Например, в таких строках: «В царстве будущего светлого, / В царстве нежного, прекрасного, / Еще – далекого, неясного, / Еще для мысли незаметного. // Не будет злобы и насилия, / Ни грубой, скучной монотонности, / Ни слез, ни мрака, ни бессилия, / Но светлых мыслей – мир бездонности...» [13, с. 2].

и об опасениях, которые сбываются во втором фельетоне. В начале: «К большевикам с протянутой рукою / Я никогда не шел и не пойду, / Но если справятся они теперь с войною, / Не заменив ее другой бедою, / Я хоть на миг и к ним с приветом подойду» [7, с. 3]. Но затем: «И вот известие из Бреста прочитали... / “Подписан мир”, а на душе темно...» [11, с. 2]. Это – прямое вторжение политических событий в «мирное течение будней» обывателя. В большевиках, подписавших брестский мир, как раз и видели поначалу – как это ни покажется странным – реставраторов старого, уже, казалось бы, отмененного отношения к человеку: «А теперь, когда победоносно пришли “они” и торопливо стали вытаскивать из пыльной груды прошлого кровавого хлама ветхие бичи и намордники – на кого надеяться, в кого верить?»

Бедноерусское “свободное слово”! Бедная родная “свободная” печать!» [8, с. 3]. Но в какой-то момент фельетонист вынужден отвлечься от политики, от общегосударственных тем, и вновь заговорить о привычном, стремительно превосходящем все гиперболические преувеличения фельетонов десятилетней давности. Фельетонисты часто писали о дороговизне, теперь приобретающей ужасающие формы: «И здесь “дерут” и там “дерут”, / Да не одну, а десять “шкур” – / За молоко, за хлеб, за кур, / За падаль вместо антрекот... / Дерут Народ, дерет Народ» [10, с. 2]; или иначе в перепеве: «За насущный хлеб дерут / Двадцать семь на Хлебной пуд... / “Ба-атюшки!” / Мясо – просят полтора / (Хоть не жуй без топора) / “Ма-атюшки” / Стоют брюки с пиджаком / То, что прежде стоил дом... / “Ба-атюшки!” / Без двух сотен не моги / И мечтать про сапоги...» [3, с. 2].

Примеры «воплей обывателя» легко можно множить², если бы в повседневность не вторглись, разрушив ее как будто окончательно, два события. Одно из них, на первый взгляд, прошло незамеченным – «Уральская жизнь» почти ничего не сообщала о появлении в Екатеринбурге царской семьи, а отрывочные известия о событиях ночи с 16-го на 17 июля 1918 г. стали публиковаться после 25 июля, когда Екатеринбург был захвачен чехословацким корпусом во главе с прапорщиком Чилой. Это второе событие проигнорировать уже было нельзя. По-видимому, редакция газеты и не стремилась к этому, заняв антибольшевистскую позицию (это было ощутимо и раньше, а впоследствии ожидаемо привело к закрытию газеты).

Тем не менее, пребывание царя все же нашло отражение в фельетоне Чекина, опубликованном 18 мая, т. е. еще в тот момент, когда власть

---

² Например, о дороговизне дров см.: [4, с. 2].

в городе принадлежала большевикам. На тот момент бывший царь уже месяц был в городе после переезда из Тобольска (17 апреля, семья прибыла чуть позже), в это время первые слухи о расстреле царской семьи, распространившиеся после убийства великого князя Михаила Александровича в Перми 13 июня, еще не появились. Чекин не мог обойти молчанием пребывание царской семьи в Екатеринбурге, однако его фельетон наглядно демонстрирует невозможность говорить об этом прямо. И фельетонист на первый план вновь выводит осторожного обывателя, «глазеющего» на дом, который не принято называть, и предполагающего, что оттуда тоже смотрит человек, ставший таким же обывателем, от которого мало что зависит: «Самое “модное” из екатеринбургских мест для общего упорного глазения в настоящее время – особняк на углу Вознесенского проспекта.

Толпой около него собираться бояться, но зато упорно прогуливаются взад и вперед с смутной надеждой:

– Авось, как-нибудь, хоть одним глазком...

Спрашивают друг друга:

– Были? Видели?

Отлично зная, что если и были, не видали ничего кроме высокого забора.

Но все “гуляющие” упорно глазят на забор, обмениваясь вполголоса заявлениями:

– Забор...

– Да... забор.

– Сажени, пожалуй, две?

– Меньше.

– А по-моему, так еще и слишком!

– Из тёсу...

– Из тёсу. И тёс нельзя сказать чтобы очень...

– Теперь, брат с тёсом беда. Теперь и к дровам не приступайся, а не то што к тёсу... Где лучше-то найдёшь?

...

– А кто это на балконе? Неужто он?

– Разуй глаза-то – часовой. Так самого и выпустят. Отгулял – будя.

– Эхе-хе-хе! Жизнь наша...

– Одно слово: “суета сует”...

– Пар и больше ничего...

...

Ох! Любит поглазеть уральский обыватель» [5, с. 2].

По-видимому, о действительном сочувствии здесь говорить не приходится. Но главный герой этого фельетона – обыватель – говорит о фактическом включении в свои ряды того, кто раньше мыслился выключенным из повседневности. Важно и то, что временная координата («тогда и теперь») здесь дополнена пространственной: обыватели вынуждены тайком «глазеть», пытаясь что-то разузнать, поверх тесового забора. Фотографии этого времени позволяют говорить, что это не просто художественный образ, придуманный фельетонистом. Однако забор, пространственно разделяющий место действия на «здесь и там», неслучаен. «Обыватель» рассуждает о нем в рамках повседневных, бытовых разговоров («тёс нынче дорог», «плохой тёс» и т. д.), при этом незаметно переходя к теме времени и бытия («отгулял, будя», «что жизнь наша?..» и т. д.). Вместе с тем забор становится знаком таинственности и загадки, знаком устрашения со стороны новой власти, знаком места, наглухо закрытого, небезопасного, в котором, тем не менее, творится история, но при этом пространства все же притягательного для обывателя, находящегося в круге повседневных забот.

Еще одно событие окончательно разрушило отъединенность обывателя от хода большой истории. Оно нашло отражение в одном из фельетонов, в котором изображен обыватель, привыкший за ходом боевых действий следить по карте:

По старой привычке следил обыватель
В свирепом азарте,
С булавкой по карте,
Как движется, где неприятель.
Бранил «супостата»,
Отца его, брата
И мать уж сугубо, конечно,
Нахмутивши брови
И губы до крови
Кусая, читал бесконечно
Газет сообщенья
О целях сраженья,
О всяческих тонких расчетах:
– Подкуплены немцем;
В сношенье вошли с Николаем;
Стакнулись с буржуем (буржуем, как перцем,
Врагов приправляли), да мы-то их знаем:
В какие себя ни раскрашивай краски,
«Загнем им салазки» –

Вредить не допустим свободам:
Узнают, как биться с свободным народом!».
Теперь – мы устали –
Булавки и карты убрали [12, с. 2].

После захвата города белочехами мгновенно изменяется тон фельетониста и газеты в целом. Теперь она пытается мобилизовать обывателя на борьбу, стыдя его за бездействие: «Кзаки с чехами сры-вают цепи с нас, / А мы неблагодарными скотами / Пред ними выступаем, и не раз, / Отдываясь громкими словами» [2, с. 4]. Теперь обыватель, простой гражданин, не только теряет право на повседневность, жизнь в круге привычных забот, не только право на удовлетворение любопытства (в том числе и благодаря газетам), предметом которого служит мир внешний, мир истории и государства, но и право на саму жизнь – право на неучастие в войне и убийствах, которые творит война. Фактически он окончательно включен в ход большой истории, повседневное же уходит на второй план. Одновременно с этим обыватель оказывается внутри закрытого пространства – как ранее бывший император – а большевики, угрожающие ему абсурдом и бессмысленной жестокостью, оказываются вне, т. е. по ту сторону баррикад, и с ними-то и следует сражаться. Таким образом, временные («теперь и тогда») и пространственные образы («здесь и там») текстов периодики неоднократно пересекаются и трансформируют друг друга в рамках газетной литературы 1917–1919 гг.

Список литературы

1. Виноградов С. Аккорды жизни // Уральская жизнь. 1917. № 1 (1 янв.). С. 3.
2. Внепартийный. Пословицы с вариациями // Уральская жизнь. 1918. № 161 (13 сент.). С. 4.
3. Еноткин <Чекин В. П.>. Вопль обывателя // Уральская жизнь. 1918. № 56 (27 (14) марта). С. 2.
4. Еноткин. «Жалобы» екатеринбуржца (почти по Шиллеру) // Уральская жизнь. 1918. № 93 (15 мая (2 апр.)). С. 2.
5. Еноткин. «Глазеют» // Уральская жизнь. 1918. № 96 (18 мая (5 июня)). С. 2.
6. Никитин К. Из истории екатеринбургской журналистики (1902–1914) : (воспоминания) // Северная Азия. 1928. № 5/6.
7. Никто-не <Чекин В. П.>. Злобы дня. 1. Скорый мир // Уральская жизнь. 1917. № 190 (19 нояб.). С. 3.

8. *Никто-не*. Два кошмара. (Набросок) // Уральская жизнь. 1917. № 196 (28 нояб.). С. 3.

9. *Никто-не*. В марте и в ноябре // Уральская жизнь. 1917. № 198 (30 нояб.). С. 3.

10. *Никто-не*. Отзвуки дней. 2. Смотрите здесь, взгляните тут // Уральская жизнь. 1918. № 5 (6 янв.). С. 2.

11. *Никто-не*. Отзвуки дней 1. Мир подписан // Уральская жизнь. 1918. № 44 (24 февр. (9 марта)). С. 2.

12. *Никто-не*. «Куда их нелегкая гонит?» // Уральская жизнь. 1918. № 109 (6 июня (24 мая)). С. 2.

13. *Пермский В.* Отзвуки дней. 3. Грядущее // Уральская жизнь. 1918. № 33 (24 (11) февр.). С. 2.

14. *Садко Н. И.* Альбом открытых писем. II. «Смахнув прилив минутной грусти...» // Уральская жизнь. 1906. № 198 (13 сент.). С. 3.

И. Е. Васильев (Екатеринбург)

Модернистские мотивы в поэзии Урала 1917–1922 гг. (на материале периодических изданий)*

Поэзия периода революций 1917 г. и гражданской войны, известная по периодической печати, отличалась крайней политизированностью. В ней преобладало публицистическое начало: «красные» и «белые» отстаивали свои интересы, представляя собственную деятельность как позитивную, отвечающую потребностям истории и народа, обрушивались на врага с критикой и обвинениями. Но была и пресса либерального толка. Заявляя о своей внепартийности, она явно сочувствовала «белому» движению.

Неполитизированная поэзия на Урале тех лет публиковалась на страницах литературного сборника «Молодая Русь», вышедшего в 1919 г. в Екатеринбурге, в журналах «Лесное эхо», «Уральское хозяйство», «Уральский кооператор», «Уральский печатник», на полосах

---

* Статья выполнена в русле проекта РГНФ № 16-14-00118 «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX – первой трети XX века».

© Васильев И. Е., 2017